

О. В. Смолицкая^{ab}

ORCID: 0000-0002-1849-9554

✉ pimus@mail.ru

^a Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Россия, Москва)

^b Российский государственный
гуманитарный университет (Россия, Москва)

ФРАГМЕНТ ПЕРЕВОДА КНИГИ ПРОСПЕРА МЕРИМЕ «ИСТОРИЯ ДОНА ПЕДРО I, КОРОЛЯ КАСТИЛИИ» И КОММЕНТАРИЙ ПЕРЕВОДЧИКА

Аннотация. Публикуется фрагмент из книги знаменитого французского писателя XIX в. Проспера Мериме, посвященной истории Испании XIV в. В центре книги — жизнь Педро I, короля Кастилии. Повествование строится вокруг борьбы за трон между доном Педро и его единокровным братом, незаконнорожденным королевским сыном доном Энрике. Автор подробно описывает внутреннюю и внешнюю политику дона Педро, показывает, как его суровость, направленная поначалу на централизацию государства и укрощение своеволия сеньоров, вырождается в неоправданную жестокость, мстительность и подозрительность, что отталкивает внутренних и внешних соратников короля и неминуемо приводит его к краху. Автор опирается на средневековые хроники и, в то же время, размышляет об истории как таковой, о месте человека в исторических событиях и возможности нравственного выбора в смутное время. На русский язык книга переведена впервые. Перед переводчиком стояли проблемы стиливого разнообразия текста, где бесстрастное повествование Мериме-историка сменяется напряженным эмоциональным повествованием Мериме-прозаика, а также передачи по-русски реалий средневековой Испании.

Ключевые слова: Проспер Мериме, Средневековье, Испания, дон Педро I, король Кастилии, перевод реалий, историография

Для цитирования: Смолицкая О. В. Фрагмент перевода книги Проспера Мериме «История дона Педро I, короля Кастилии» и комментарий переводчика // Шаги/Steps. Т. 8. № 2. 2022. С. 313–325. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-2-313-325>.

Статья поступила в редакцию 12 января 2022 г.
Принято к печати 5 марта 2022 г.

O. V. Smolitskaya^{ab}

ORCID: 0000-0002-1849-9554

✉ pimus@mail.ru

^a *The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(Russia, Moscow)*

^b *Russian State University for the Humanities
(Russia, Moscow)*

A FRAGMENT OF THE TRANSLATION OF PROSPER MÉRIMÉE'S BOOK *HISTOIRE DE DON PÈDRE, ROI DE CASTILLE*, AND THE TRANSLATOR'S COMMENTARY

Abstract. The book by the famous 19th century French writer Prosper Mérimée is devoted to Spain of the 14th century. The book focuses on the life of King Pedro I of Castile named the Cruel and his struggle for the throne against his half-brother Don Enrique, illegitimate son of his father. The author describes in detail the domestic and foreign policy of Don Pedro, shows how his severity, initially aimed at centralization of the state and curbing the willfulness of the “seigneurs”, turns into unjustified cruelty, suspicion and vindictiveness. This pushes internal and external supporters away from of the king and inevitably leads to his death. The book is based on medieval chronicles, while at the same time the writer reflects on History itself, on the role of a particular person in historical events, and on the possibility of moral choice in a time of troubles. The book is translated into Russian for the first time. The translator faced the problems of transferring the stylistic diversity of the book, where the impassive narrative of Mérimée-the-historian alternates with the emotionally tense language of Mérimée-the-artist, as well as the problem of conveying in Russian the realities of medieval Spain.

Keywords: Prosper Mérimée, the Middle Ages, Spain, Don Pedro I, King of Castile, historiography, translation of realities

To cite this article: Smolitskaya, O. V. (2022). A fragment of the translation of Prosper Mérimée's book *Histoire de Don Pèdre, roi de Castille*, and the translator's commentary. *Shagi / Steps*, 8(2), 313–325. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-2-313-325>.

Received January 12, 2022

Accepted March 5, 2022

Книга Проспера Мериме о доне Педро, короле Кастилии, была опубликована в 1848 г. Это историческое исследование об Испании XIV в., основанное на средневековых хрониках. Первоначально Мериме намеревался собрать и описать как можно больше неизданных хроник и архивных свидетельств, однако постепенно замысел изменился, и повествование о короле Кастилии, прозванном Жестоким и в то же время Справедливым, стало размышлением об Истории как таковой, о поведении человека и нравственном выборе, который необходимо делать, в какую бы эпоху он ни жил. Основной документ, на который опирается Мериме, — это хроника очевидца событий Перо Лопеса де Айала «Хроника дона Педро, короля Кастилии, написанная Перо Лопесом Айалой, главным канцлером Кастилии». В отрывке, который приводится ниже, Мериме, ссылаясь на эту хронику, обозначает ее просто как «Айала». Хроника, составленная тем же хронистом, но рассказывающая о правлении дона Энрике — единокровного брата дона Педро, незаконнорожденного сына его отца, обозначена как «Айала. Хроника дона Энрике». Мериме ссылается также на «Сокращенную хронику», которая, очевидно, была первоначальным вариантом «Хроники короля дона Педро I». Анализу источников в книге Мериме уделено очень много места. В своем тексте он приводит скрупулезные ссылки на хроники и исторические трактаты. В нашем фрагменте, кроме хроники Айалы, фигурирует еще хроника каталонского автора XVI в. Пера Микеле Карбонеля и хроника знаменитого французского историка XIV–XV вв. Жана Фруассара.

Книга Мериме издавалась мало. После первой публикации 1848 г. она была переиздана лишь в XX в., в 1961 г., а затем новое комментированное издание вышло в 2009 г. На русский язык полностью книга не переводилась. В настоящее время в издательстве «Ладомир» готовится издание книги на русском языке в серии «Литературные памятники» в нашем переводе и с нашим справочным аппаратом. Предлагаемый фрагмент перевода взят оттуда. Это завершающая часть книги, где говорится о поражении дона Педро и гибели от руки дона Энрике.

Борьба братьев за трон проходит сквозной линией через книгу Мериме. Энрике был сыном короля дона Альфонсо от любовницы, а не от законной королевы, как дон Педро, поэтому последний называет его «бастардом». Дон Энрике, в свою очередь, в пылу гнева называет брата «евреем», что не соответствовало реальности, но было, очевидно, связано с большой веротерпимостью дона Педро и с его опорой на еврейские общины Испании. Кроме того, соратником, казначеем и первым советником дона Педро долгое время был дон Шимуэль Леви, несправедливо обвиненный в измене и казненный по его приказу.

Труд Мериме сочетает как формат научного исследования (он обильно снабжен авторскими комментариями и отсылками к источникам), так и стиль художественного повествования. В последнем издании 2009 г. автор предисловия Мишель Гарсия [Mégimée 2009: 34–44] подробно анализирует стилистические приемы Мериме, в частности, как он трансформирует стиль хроники.

При переводе мы старались сохранить разницу между максимально объективным описательным повествованием с причастными оборотами и подчиненными предложениями и динамичным, эмоционально напряженным стре-

мительным стилем, тяготеющим к стилю романа, если не драмы. В представленном фрагменте есть примеры и того и другого.

Сложной задачей для переводчика стали многочисленные вкрапления в текст «третьего» языка, т. е. и не языка оригинала, и не языка перевода, а испанского. Это касается как реалий, особенно средневековых, так и имен собственных. Мериме слегка офранцузивает испанские слова. На русском же мы должны выбирать между французским или испанским звучанием, учитывая при этом существование отечественной переводческой или исследовательской традиции передачи того или иного понятия. Например, испанское *ricos-hombres* (букв. «богатые люди»; определенный социальный статус, характерный именно для средневековой Испании) Мериме передает по-французски как *riches-hommes*: буквально то же самое, этимологически с теми же основами, но порядок слов не характерен для французского языка. Для французского читателя здесь присутствует одновременно и отсылка к испанскому оригиналу, и понятность без перевода. По-русски *рикос-омброс* звучало бы слишком по-испански (не как у Мериме), а *богатые люди* не содержит отсылки к определенному историческому понятию, поэтому мы воспользовались для перевода словом *магнаты* — так традиционно передается по-русски этот социальный статус. Передача имен на русский язык также имеет свою специфику, так как имена испанских королей по-русски традиционно остаются в оригинальном звучании (*Энрике*, а не *Генрих*), Мериме же дает французские эквиваленты испанским именам. Мы сочли необходимым сохранить традиционные варианты, чтобы было ясно, о каких исторических персонажах идет речь. Главного героя Мериме называет по-испански «Педро» (используя то совсем испанскую форму *Pedro*, то чуть офранцузенную *Pédre*), а не «Пьер», и мы сохранили эту особенность.

Подстраничные примечания принадлежат Мериме и оформлены так, как в оригинальном тексте.

ГЛАВА XXII

Возвращение доня Энрике. — 1368–1369

VI

Дю Геклен во главе своего войска подошел к дону Энрике под Толедо. Город все еще был окружен, и в нем уже начал чувствоваться голод. Управитель дон Гарси де Виллодре был вынужден забить всех лошадей, чтобы накормить воинов. Каждый день он слал письма дону Педро, в которых говорил об ужасе своего положения и заклинал не бросать на произвол судьбы жителей города, сохранивших преданность королю и вынужденных уже полгода терпеть жесточайшие лишения. Он писал, что если помощь не придет немедленно, если сам король не придет и не снимет осаду, голод возобладает над героическим постоянством жителей Толедо. Дон Педро провел большую часть зимы в Кармоне, без устали совершенствуя укрепления. Он скопил там множество припасов и вооружения и, опустошив все арсеналы, велел привезти из Севильи весла с галер, чтобы делать из них стрелы¹. Говорят, что некий астролог предсказал дону Педро, что он будет осажден, и те-

¹ Айала. Хроника доня Энрике. II, с. 15.

перь король искал, где бы построить неприступный замок. Он выбрал Кармону, потому что совершенно не доверял жителям Севильи. Поначалу ему понравилось расположение города, а потом он решил, что и горожане слишком слабы и не станут сопротивляться размещению в городе верного королю гарнизона. Быть может, он намеревался ждать дона Энрике за этим несокрушимым укрытием, но obstoyatelstva, в которых оказался Толедо, заставили его изменить решение. Ни честь, ни политические соображения не позволяли дону Педро бросить подданных, которые стольким пожертвовали ради него; он не мог дать им умереть с голоду после того, как они отразили натиск мощной армии. К концу зимы дон Педро собрал все свои войска, присоединил к ним корпус конных гренадеров, приказал своим оставшимся сторонникам идти на север, чтобы присоединиться к нему по выходу из Сьерры-Морены, и выступил к Толедо, намереваясь дать бой дону Энрике под стенами города. Уходя из Андалусии, он оставил в Кармоне своих детей от разных любовниц², сокровища и значительный гарнизон. Если судьба обернется против него, то Кармона должна была стать его последним прибежищем.

Уходя из Севильи, король перешел Сьерру-Морену по одному из низких ущелий, возможно, по той дороге, что проходит через Константину и ведет к Льеране³. Он продвигался медленно, так как вез с собой большой обоз, и к тому же постоянно останавливался, чтобы дожидаться подкрепления, отряды которого прибывали издалека в заранее назначенные места. В первых числах марта он благополучно пересек горную цепь, отделяющую Андалусию от Ламанчи, и остановился на одном из обширных плато этой провинции. Там некогда возвышался прекрасный замок Калатравы, быть может один из лучших замков этого военного ордена.

Итак, дон Педро был всего в нескольких лье от Толедо.

Его армия состояла из военных, которых поставили городские коммуны Севильи, Эсихи, Кармоны и Хереса, а кроме того из его военной дружины и собственных вассалов. Дон Фернандо де Кастро прошел через всю Кастилию и привел несколько отрядов из Галисии и один отряд из гарнизона Саморры. Другие небольшие отряды, собранные в Эстремадуре и даже в Кастилии, не пришли в замок Калатравы. Таким образом, всех сил дона Педро было около трех тысяч конников тяжелой кавалерии или генетариев-христиан⁴ и пятнадцать сотен легких конников из Гранады. Его пехота, по-видимому, была немногочисленной: всего четыре полка из андалусийских городов, которые я только что назвал.

Чтобы пройти из Калатравы в Толедо прямой дорогой, надо перейти через суровые горы по перевалам, вход в которые легко может защитить горстка воинов. Король побоялся идти по ним и предпочел сделать значительный крюк, чтобы выйти на обширные равнины Ламанчи, удобные для маневра, а кроме того, там можно было запастись фуражом для кавалерии. Может быть, дон Педро надеялся по пути захватить отряды из Хайена и Мурсии, которые, как ему было извест-

² Мы уже говорили, что три дочери дона Педро от Марии Падилья находились в Байоне в заложницах у принца Уэльского.

³ Мне не удалось найти точных сведений, где именно дон Педро перешел Сьерру-Морену. Он прибыл в Калатраву и там соединился с отрядами из Галисии, поэтому можно предположить, что из Севильи он пошел прямо на север и, вероятно, именно на той дороге встретил Фернандо де Кастро, шедшего из Саморры.

⁴ Генетарии — воины отрядов легкой кавалерии в испанской армии эпохи. Уточняется, что они были христианами, а не арабами (мусульманами), т. е. имели несколько иную подготовку и вооружение и использовали другую тактику борьбы, чем воины-арабы (мусульмане). — *Примеч. переводчика.*

но, уже отправились ему навстречу⁵, равно как и гарнизоны нескольких городов на границе с Валенсией, все еще хранившие ему верность. Ему надо было подойти к Толедо с силами, превосходящими силы осаждавших, и в этом положении он не пренебрегал никаким подкреплением. Каковы бы ни были намерения короля, вместо того чтобы направиться из Калагравы по прямой к северу, он свернул к востоку и разбил лагерь около Монтелья, богатой командерии ордена Сантьяго. Губернатор города по имени Гарси Моран давно служил ему⁶.

Узнав о походе дона Педро, дон Энрике собрал своих военачальников на совет. Все сошлись во мнении, что надо упредить дона Педро и напасть на него до того, как он окажется у стен Толедо. Часть армии должна была остаться, чтобы охранять осадные приспособления, а другая часть намеревалась пойти навстречу противнику. Дон Энрике оставил всю пехоту в укреплениях, а сам пошел с отборными частями тяжелой кавалерии в Оргас на границе с Ламанчей, чтобы легче следить за продвижением противника. В то же время он написал магистру Сантьяго Гонсало Мексики, чтобы тот как можно скорее присоединился к нему со всеми теми войсками, что мог бы собрать, не слишком ослабляя гарнизон Кордовы. Итак, обе стороны собирали разрозненные силы и присоединяли их к основному корпусу; оба противника готовились явиться на поля боя со своими лучшими солдатами.

Гонсало Мексики прошел через Сьерру-Морену по дороге, что ведет из Кордовы в Сьюдад-Реаль. У него было около пятнадцати сотен конников. Выйдя к Ламанче, он оказался с правого фланга королевской армии, пересекающей горы гораздо западнее. Он следил за передвижением королевской армии издалека, так, чтобы его нельзя было вовлечь в бой, и вместе с тем шел перед ней таким образом, чтобы стеснить короля или даже воспрепятствовать его соединению с его сторонниками в Кастилии⁷. Около Оргаса он соединился с доном Энрике, к которому как раз перед этим подошли шестьсот французских копий Дю Геклена. После такого двойного подкрепления армия претендента на трон возросла до трех тысяч воинов, все они были старые испытанные солдаты. Однако у него не было пехоты и было очень мало или не было вовсе легкой кавалерии. Несмотря на численное превосходство противника, он положился на воинский пыл своих людей, воодушевленных французскими военачальниками, и пошел прямо к Монтелью.

Отряд магистра Сантьяго, вышедший из Кордовы, не позволял дону Педро сделать глубокую разведку. Он был уверен, что дон Энрике ждет его под Толедо, уверен настолько, что при подходе к Монтелью позволил своим войскам разбрестись по окрестным деревням в поисках провизии и фуража. Отряды его армии были разбросаны на несколько лье друг от друга, а дон Энрике был всего лишь в одном переходе от Монтелья.

В ночь с 13 на 14 марта сторожевые посты замка Монтель, где располагался дон Педро, заметили множество передвигающихся огней, цепь которых растянулась по горам не менее, чем на два лье. Это светились факелы, с которыми шли в авангарде воины Дю Геклена и освещали путь всей армии, следующей за ними

⁵ Возможно, что не все полки дона Педро, вышедшие из Андалусии, переходили через Сьерру-Морену в одном и том же месте. Например, отряды из Хаена и Андухара, по всей видимости, вошли в Ламанчу через долину Хиндулы (дороги Десапенья Перрос еще не существовало). Для этих отрядов самым удобным пунктом сбора был Монтель.

⁶ Айала, с. 543.

⁷ Айала, с. 545. Очевидно, что магистр Сантьяго мог выйти из Кордовы лишь после того, как дон Педро оказался на севере Сьерры-Морены. Следовательно, если он мог идти впереди короля по дороге на Толедо, то король вышел из гор или в Эстремадуре, или в западной части Ламанчи.

по темному полю. Командор Гарси Моран разбудил короля и сообщил ему о том, что увидела стража. Но король ответил, что беспокоиться не о чем, что это огни полков Гонсало Мекси, который уже несколько дней шел впереди него⁸.

На всякий случай ради пушей предосторожности он велел нескольким генетариям сесть на коней и разведать, что это за отряды и насколько они многочисленны. Затем он спокойно заснул. К рассвету всадники спешно прискакали обратно и доложили, что за ними следом идет вражеская армия. И действительно, дон Энрике был уже в виду Монтелье. Его полки быстро приближались двумя порядками: авангард под командованием Дю Геклена, куда входили рыцари военных орденов и наемники, а за ними более многочисленный резерв, которым командовал лично претендент.

Дон Педро тут же велел поднять знамя, под которое встали арбалетчики его охраны, военные его дружины и пятнадцать сотен гранадских конников, составлявших его обычный эскорт. Он послал гонцов по всем направлениям с приказом всем рассредоточенным отрядам немедленно возвращаться и соединиться около замка — там он назначил общее место встречи. Но военные действия уже разворачивались, и многочисленное вражеское войско яростно обрушилось на его маленький полк, рассеянный и *застигнутый врасплох*, по выражению Фруассара⁹. Однако из-за ошибки проводников отряд Дю Геклена зашел в глубокий овраг и замешкался, преодолевая его¹⁰. У резервного корпуса проводник был лучше, они вышли прямо к королевскому знамени и стремительно обрушились на горстку воинов, защищавших его. Знамя взяли почти без боя. У дона Педро, однако, хватило сил устоять под первым натиском, но вскоре численным преимуществом противника его охрана была подавлена и отброшена. Дю Геклен довершил разгром, и подход подкрепления был уже невозможен. Поднялась паника. Беглецы увлекли за собой короля, и он вместе с некоторыми своими сеньорами бросился в замок Монтелье. Его узнали по доспехам. Один из французских капитанов Ле Бег де Виллен гнался за ним до самого вала и даже воткнул в вал свой флаг на пике, чтобы туда стянулись все воины, преследовавшие беглецов¹¹. Прочие части королевской армии или уничтожались там, где они вступали в бой, или же разбежались, как только узнавали о поражении основного корпуса. Мартин Лопес примерно с 800 конников устремился назад в горы, перешел их и беспрепятственно добрался до Кармоны. Никогда еще победа не была столь бескровной, погиб лишь один сеньор из приверженцев дона Педро, Хуан Хименес из Кордовы¹².

Противник, узнав о том, что король засел в Монтелье, не стал гнаться за ним, а лишь перекрыл все подходы к замку. Но мавры — союзники короля почти все были уничтожены — крестьяне Ламанчи и Андалусии легко распознавали их по одежде и нападали со всех сторон. Не прошло и часа, как дон Педро оказался заперт в тесном замке с посредственными укреплениями без еды и оружия.

VII

Победители с невероятным рвением рыли широкие траншеи вокруг Монтелье и окружали его стенами из камней сухой кладки. Они тщательно охраняли все выходы. Видя все это, несчастный король понял, что падение неминуемо и враги

⁸ Айала, с. 548.

⁹ Фруассар, кн. I, ч. 2, гл. CCLIII.

¹⁰ Айала, с. 549.

¹¹ Фруассар, гл. CCLIV.

¹² Айала, с. 549.

хотят вынудить его отречься от престола. Тем не менее он попытался предоставить им другой выход. По его приказу командор Гарсиа Моран послал к осаждающим герольда и предложил, что сдаст им замок через месяц, если за это время король дон Педро не соберет достаточно сил, чтобы вынудить их отказаться от борьбы. Это предложение было встречено жестокими насмешками. Герольду ответили, что еще раньше и замок, и дон Педро будут в руках у дона Энрике. Не было и надежды пробиться из замка с боем или же обмануть бдительность многочисленных стражей, что день и ночь стояли на наскоро сооруженных укреплениях. Оставался единственный шанс на спасение: подкупить кого-либо из иностранцев на службе у дона Энрике. Во всяком случае, можно было льстить себя надеждой, что кто-либо из наемников соблазнится золотом и даст королю возможность выбраться из замка. Дон Педро поручил вести переговоры Мену Родригесу Сенабрия, в уме и преданности которого он мог не раз убедиться: в 1366 году Мен Родригес был губернатором Бривиески и первым стал отчаянно сопротивляться, в то время как другие королевские капитаны опускали подъемные мосты перед войсками наемников. Мен Родригес родился в графстве Трастамарском и по рождению был теперь вассалом Дю Геклена, который получил этот титул после коронации дона Энрике. Дю Геклен весьма ценил отвагу даже во врагах, а кроме того, был заинтересован в новых вассалах; после падения Бривиески он сам заплатил выкуп за Мена Родригеса и безуспешно попытался склонить его пойти на службу к дону Энрике. Великодушие французского капитана, видимо, произвело сильное впечатление на пленника, они расстались не просто учтиво, но по-дружески. На эти дружеские отношения, длившиеся всего несколько дней, Мен Родригес и понадеялся, желая спасти своего господина. Он велел послать к Дю Геклену с просьбой о тайной встрече. Как только разрешение было получено, он отправился ночью в ставку Дю Геклена и там с глазу на глаз сказал без обиняков, что его послал дон Педро и что несчастный принц умоляет спасти его от мести дона Энрике. Благодарность дона Педро, по словам посланника, будет соразмерна столь большой услуге. «Я лично, — сказал посланник, — заклиная вас, мессир Бертран, сжалиться над столь благородным королем. Великая честь выпадет на вашу долю, когда всем станет известно, что именно вам он обязан своей жизнью и королевством». Дю Геклен был несколько удивлен этим предложением. Он напомнил, что является подданным короля Франции и состоит на службе у дона Энрике. «Друг мой, — сказал он, — вы, с кем я некогда поступил весьма снисходительно, не должны обращаться ко мне с подобными речами. Я нахожусь здесь по приказу монсеньора короля Франции, чтобы сразиться против союзника английского короля. Я бы поступил бесчестно, если бы спас врага моего господина». Мен Родригес удвоил просьбы и посулы. Он сказал: «Если вы согласитесь препроводить короля в надежное место, он обязуется дать вам в надел города Сорию, Атиенцу, Альмасан, Монтеаудо, Десу и Серон, а кроме того 200 тысяч золотых кастильских дублонов. Вы станете первым лицом в королевстве, и он всегда будет смотреть на вас как на спасителя и самую надежную опору короны». Бертран слушал его молча с бесстрастным видом, затем резко оборвал встречу, сказав, что ему нужно время, чтобы обдумать предложение и посоветоваться с соратниками. Мен Родригес вернулся в замок, полный надежд; он был уверен, что для капитанов золото будет еще притягательней, чем для их военачальника.

Дю Геклен действительно тотчас же созвал родственников и соратников и рассказал им о полученном предложении. Он объявил, что твердо намерен не идти ни против французского короля, своего сеньора, ни против дона Энрике, служить которому он обязался. Он хотел лишь посоветоваться с товарищами, как правильно поступить, чтобы не нарушить законов рыцарской чести: следует ли уведомить

дона Энрике об откровениях Мена Родригеса. Все сошлись на том, что таков долг Бертрана и что не следует быть слишком щепетильным с принцем, предложившим предательство¹³.

Следуя этой военной казуистике, с тем, кто передал Дю Геклену предложения, не соответствовавшие законам рыцарства, можно было и самому поступать не по-рыцарски. Другими словами, тот, кто попытался толкнуть другого на предательство, может быть предан сам. Я так подробно останавливаюсь на этих тонкостях, потому что они рисуют нравы Средневековья и в определенной степени оправдывают не слишком благовидные поступки человека, которому Франция немало обязана и имя которого дорого всем французам.

Нравственное содержание того или иного поступка всегда зависит от того, какими идеями он воодушевлен, и мне хотелось бы думать, что Дю Геклен счел возможным бесчестно обойтись с врагом лишь потому, что тот собственным бесчестием оскорбил законы рыцарства.

После совещания с французскими капитанами Бертран все рассказал дону Энрике, и тот сразу же посулил ему все то, что обещал дон Педро, — и наделы, и огромный выкуп¹⁴. Затем он стал уговаривать Дю Геклена притвориться, что предложения дона Педро приняты, и таким образом выманить его из замка. Дю Геклен заколебался, но его соратники присоединились к дону Энрике и сумели побороть щепетильность Дю Геклена. Секретные переговоры продолжались. Никто не знает, какими обещаниями обменялись стороны, но, по-видимому, у дона Педро возникло ощущение, что он может довериться Дю Геклену. За несколько дней, что обсуждались условия этой сделки, перенаселенный замок дошел до крайне бедственного состояния: запасы продовольствия и даже воды грозили иссякнуть, надо было или сдаваться, или бежать. Айала, который, быть может, своими глазами видел то, о чем дальше пойдет речь, утверждает, что дон Педро получил самые торжественные заверения от нескольких французских капитанов — посланцев Дю Геклена, или по крайней мере выдававших себя за таковых¹⁵. Надо заметить, что как только сделка была открыта дону Энрике, она неминуемо стала следовать его интересам и развиваться по его указаниям. Однако претендент боялся, что она окажется невыгодной для него, так как многие магнаты из его окружения уже ставили свои условия. Он не считал себя сильным настолько, чтобы самолично осудить своего брата и короля, и опасался, что у его сторонников не поднимется рука казнить государя и законного сеньора. По всей видимости, французские капитаны не думали, что, выдавая дону Педро, они подвергают опасности его жизнь; я склоняюсь к мысли, что они даже оговорили на этот счет особые условия с доном Энрике. Он же твердо решил разделаться с доном Педро и хладнокровно обдумывал, как этого добиться. Надо было убить короля, но не казнить, следовало все устроить таким образом, чтобы смерть его оказалась как бы внезапной, произошла как бы вследствие несчастного случая. Вот почему, хотя дон Энрике знал, что положение осажденных в Монтелье безнадежно, он не стал дожидаться, пока голод вынудит противника сдаться. Он подстроил дону Педро ловушку, воспользовавшись его договоренностью с французскими капитанами, которые, быть может, и не знали всех расчетов дона Энрике.

Ночью 23 марта 1369 года, через 10 дней после битвы у Монтелья дон Педро в сопровождении Мена Родригеса, дона Фернандо де Кастро и нескольких

¹³ Айала, с. 551 и сл.

¹⁴ Айала, с. 554.

¹⁵ Айала, с. 554. — ср. с «Сокращенной».

других рыцарей вышел из замка и направился в ставку французов в глубочайшей тишине. Копыта лошадей были обернуты сукном и, спускаясь с замковой горы, дон Педро и его соратники вели их под уздцы. На короле не было его обычной одежды, он кутался в плащ, под которым была только легкая вязаная рубашка. Часовые, предупрежденные заранее, пропустили их за стену сухой кладки, наскоро воздвигнутую вокруг Монтелья, и провели к Дю Геклену. Тот в окружении капитанов ждал их за стеной. «На коня, мессир Бертран, — тихо сказал король, подходя к Дю Геклену, — пришло время ехать». Ему никто не ответил. Это молчание и несколько скованное поведение французов насторожили дон Педро. Он попытался вскочить в седло, но один воин уже держал его лошадь под уздцы. Его окружили, велели подождать и зайти в соседнюю палатку¹⁶. Сопротивляться было бесполезно, и он пошел туда, куда повели.

Несколько минут прошли в гробовом молчании. Вдруг в центре круга, образовавшегося вокруг короля, появился человек, вооруженный до зубов и с поднятым забралом. Это был дон Энрике. Перед ним с почтением расступились. И вот он оказался лицом к лицу с братом. Они не виделись 15 лет. Окинув взглядом всех рыцарей, вышедших из Монтелья, дон Энрике спросил: «Где этот бастард, этот еврей, что выдает себя за короля Кастилии?»¹⁷ Один французский оруженосец указал на дон Педро. «Вот ваш враг», — сказал он. Дон Энрике, все еще сомневаясь, пристально взглядывался. «Да, это я¹⁸, — воскликнул дон Педро, — это я, король Кастилии. Все знают, что я законный сын славного короля дон Альфонса. Это ты — бастард!»

Дон Энрике, довольный, что спровоцировал брата на оскорбление, тотчас снял перчатку и ударил его по лицу. Они не могли обнажить мечи, потому что стояли слишком близко друг к другу внутри тесного круга французов. Они схватились врукопашную и некоторое время яростно боролись. Никто не разнимал их, наоборот, все отошли назад. Не выпуская друг друга из рук, они упали на походную кровать, стоявшую в углу палатки, и дон Педро, который был крупнее и сильнее брата, подмял его под себя. Он искал какое-нибудь оружие, чтобы поразить его, и тут один арагонский рыцарь, виконт де Рокаберти, схватил дон Педро за ногу и перевернул его так, что дон Энрике, который все время сжимал его туловище, оказался наверху. Он схватил кинжал, приподнял вязаную рубашку короля и дважды вонзил кинжал ему в бок. Руки дон Педро разжались, дон Энрике высвободился, а несколько его человек довершили убийство. Из рыцарей, пришедших с доном Педро, лишь двое попытались защитить его — один кастилец и один англичанин. Их изрубили в куски. Прочие сдались без сопротивления, и французские капитаны обошлись с ними милосердно¹⁹.

¹⁶ Это была палатка Ивона де Лаконе. — Фруассар, кн. I, ч. 2, гл. CCLIV.

¹⁷ Здесь я следую за версией Фруассара, она кажется мне наиболее верной. Очевидно, что дон Энрике хотел спровоцировать дон Педро, чтобы был предлог его убить.

¹⁸ Айала, с. 556.

¹⁹ Как рассказывают в народе, один из французов, считавших, очевидно, что все это великолепное зрелище, воскликнул: «Чистая игра!» По другой версии, дон Педро будто бы перевернул Дю Геклен со словами: «Я не возвожу и не свергаю королей, но я служу своему сеньору». Известно, что в народных легендах на переднем плане всегда оказываются известные персонажи. Виконта де Рокаберти как убийцу называют Фруассар и один анонимный каталонский автор, которого цитирует г-н Льягуно (в примечаниях к Айале, с. 555; ср. у Фруассара, гл. CCLIV). Молина в «Описании королевства Галисия», процитированном Арготе де Молиной, приписывает тот же поступок и те же слова оруженосцу дон Энрике по имени Фернандо Перес де Андрада, который, как говорят, получил за это замки и земли. — См. Романы о короле доне Педро. — Фруассар, рассказывая об этом событии, не говорит о переговорах между доном

Дон Энрике отрубил брату голову и отослал ее в Севилью²⁰.

VIII

Так погиб от руки своего брата дон Педро в возрасте 35 лет и 7 месяцев. Он был высокого роста, крепкий, хорошо сложенный. У него были правильные черты лица, а цвет лица — светлый и свежий. В Мадриде в женском монастыре Сан Доминго до сих пор стоит его изваяние²¹. Судя по нему, у дона Педро были черные глаза и волосы, что противоречит традиционному описанию его как яркого блондина с голубыми глазами. Он был невероятно активен, страстно любил занятия, требовавшие силы и ловкости, был крайне неприхотлив в еде, выделяясь этим даже в своей стране, где не приняты застольные излишества. Ему хватало всего нескольких часов сна для отдыха. Он был красноречив, умел говорить изысканно, но до конца жизни сохранил чуть жеманный акцент, свойственный севильцам. Воспитанный под горячим солнцем Андалусии, с самых ранних лет окруженный соблазнами, он бешено любил женщин, но ни одна его любовница, за исключением Марии Падилья, не имела власти над ним.

Многие обвиняли его в скупости, ссылаясь на то, как тщательно он копил всю жизнь драгоценности и камни, а после его смерти в Кармонском замке была обнаружена значительная сумма денег. Он никогда не упускал возможности приумножить владения короны, в отличие от своего брата дона Энрике, щедрого до расточительности. Я, однако, думаю, что дон Педро лишь на первый взгляд обладал тем низким пороком, что ему приписывают историки. На мой взгляд, он любил не сами деньги, а ту власть, которую они дают. Основной страстью дона Педро было желание повелевать, а в его время самый богатый человек был и самым могущественным.

Первый же урок политики, полученный им, был жестоким. В Торо ему пришлось выкупать у восставших вассалов свои корону и свободу. Его предали те, кого еще его отец и он сам осыпали милостями, его предали братья и мать, и он очень рано стал мнительным, подозрительным, часто несправедливым по отношению к своим самым преданным слугам. Скрытность и вероломность дона Педро — это пороки его эпохи. Я позволю себе сказать, что такова была не просто необходимость, но таковы были сами условия существования королевской власти в Средние века. Дон Педро хотел править единолично и, чтобы заставить подчиниться себе, он вначале заставил всех бояться себя. Он добился этого слишком легко. Но гранды и прелаты не без сопротивления склонились перед властью, которую он хотел им навязать. Он же от каждого проявления противодействия становился еще более категоричен. Он объявил жестокую войну духовенству и знати; поступить так означало ополчиться на самых серьезных врагов королевской власти. Народ, страдавший от произвола магнатов, с удовольствием смотрел, как на развалинах старинной феодальной анархии поднималась и крепла королевская власть. Кроме того, жестокость дона Педро касалась лишь грандов и была направлена — я хочу прямо сказать об этом — на предателей страны или короля. Он

Педро и Дю Гекленом. Он считает, что смерть дона Педро произошла случайно. К сожалению, все слишком очевидно свидетельствует против этой версии, а знаки расположения, которыми дон Энрике осыпал Дю Геклена, говорят в пользу свидетельства Айалы.

²⁰ Карбонель, с. 197 об.

²¹ Лицо на этой статуе отличается яркой и необычной индивидуальностью. Сходству можно доверять, так как статуя была поставлена по приказу внучки дона Педро доньи Констанции Кастильской, настоятельницы монастыря Сан Доминго.

безжалостно и сурово расправлялся с бунтами, которые без конца затевала непокорная знать, но в то время как по его приказу слетали с плеч самые знатные головы, народ дышал свободнее и прославлял государя, требовавшего одинаковой верности и от больших, и от малых. Нелицеприятный деспотизм в XIV веке был благодеянием для народа. Евреи и мусульмане, далекие от политических распрей, раздиравших Кастилию, благословляли дона Педро как наилучшего государя, ибо он поощрял развитие искусств и ремесел, торговли, промышленности, а деспотизм его был мягок там, где он находил покорных себе рабов. Как только война с Арагоном вынудила дону Педро поднять налоги и вовлечь в длительные военные походы горожан, привыкших вооружаться лишь для того, чтобы отогнать врагов от стен своего города, популярность его стала быстро падать. Когда же армия иностранцев рассеяла ужас перед грядущими расправами дона Педро, его мощь рухнула, как здание, построенное на песке. Феодалная анархия взяла верх, и деспот оказался безоружным среди своих же рабов. С этого момента авторитет его был разрушен. Английская армия вернула ему трон, но ненадолго — он потерял его, как только англичане скрылись за горами.

На Иберийском полуострове одновременно правили три короля по имени Педро, и всем троем современники дали прозвище «Жестокий». Все трое преследовали одну цель: свергнуть власть крупных сеньоров и положить конец феодалной анархии. Однако глубоким заблуждением было бы приписывать этим королям какой бы то ни было патриотический порыв. Ими двигало лишь честолюбие, но дон Педро Кастильский в гораздо большей степени, чем его тезки, мечтал, видимо, о славе и величии своей страны и о порядке в ней. Я не знаю другого короля той эпохи, кто мог бы сказать так, как сказал он: «Пусть лучше восторжествует мой враг, чем будет обезглавлено королевство».

Уязвимость своего положения дон Педро усугубил серьезными ошибками. Он был слишком напорист, слишком несгибаем в своих проектах и всегда уступал сиюминутному порыву вместо того, чтобы послушаться советов благоразумия. Он хотел разделить своих врагов, но, не рассчитав своих сил, наоборот, объединил их. Он хотел единолично встать во главе знати, духовенства и могущественных соседей. Но такой замысел был, наверное, неисполним в ту эпоху. Однако он подготовил возвышение королевской власти в Испании, и когда настало время навсегда покончить с тиранией грандов, о доне Педро и его отваге вспомнили. Католические короли, которым удалось завершить начатое им, оценили его решимость и неодолимость препятствий, с которыми он столкнулся. Королева Изабелла первая восстала против прозвища, порочившего память дона Педро. Она в согласии с народной традицией, никогда не забывавшей тех королей, что хоть в какой-то степени творили благо для народа, назвала его не Педро Жестокий, но Педро Справедливый.

Перевод с французского О. В. Смолицкой

Источники

Mérimée 2009 — *Mérimée P. Histoire de Don Pèdre I, roi de Castille et autres écrits sur l'histoire de l'Espagne / Sous coord. d'A. Fonyi; Textes établis, présentés et annotés par M. Garcia, J. Pérez. Paris: Honoré Champion, 2009.*

* * *

Информация об авторе

Ольга Викторовна Смолицкая

*кандидат филологических наук
доцент, кафедра теории и истории
литературы, Институт общественных
наук, Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ*

Россия, 119571, Москва, пр-т

Вернадского, д. 82

Тел.: +7 (499) 956-96-47

доцент, кафедра европейских языков,

Институт лингвистики, Российский

государственный гуманитарный

университет

Россия, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6

Тел: +7 (495) 250-63-26

✉ pimus@mail.ru

Information about the author

Olga V. Smolitskaya

Cand. Sci. (Philology)

*Associate Professor, Department of Literary
History and Theory, Institute for Social
Sciences, The Russian Presidential
Academy of National Economy and Public
Administration*

Russia, 119571, Moscow, Prospekt

Vernadskogo, 82

Tel.: +7 (499) 956-96-47

Docent, Department of European

Languages, Institute of Linguistics, Russian

State University for the Humanities

Russia, 125993, Moscow, Miusskaya Sq., 6

Tel.: +7 (495) 250-63-26

✉ pimus@mail.ru